

В этом письме Ключарева к Ростопчину мы можем представить себе картину происходившего с М. Верещагиным. Скорее всего он просто взял всю вину на себя, дабы не делать худа сыну его превосходительства.

№ 21. Графъ Ростопчинъ — почтъ-директору Ключареву.

29-го іюня 1812 г. Москва.

Мнѣ потребно имѣть отъ вашего превосходительства два свѣдѣнія:

1) Чиновники въ Московскомъ почтамтѣ служащіе, отъ васъ или отъ высшаго начальства имѣютъ секретное повелѣніе не до-

пускать полиціймейстера исполнять приказанія отъ меня данныя, что случилось вчера, когда полковникъ Дурасовъ не впущень былъ въ газетную какимъ-то Дружининымъ.

2) По какому праву ваше превосходительство наединѣ говорили съ государственнымъ преступникомъ Верещагинымъ¹⁾, и потомъ въ какомъ смыслѣ находили полезнымъ на службу его дарованіе и принимали на себя за него ходатайствовать?

№ 22. Федоръ Ключаревъ — графу Ростопчину.

29-го іюня 1812 г. Москва.

Имѣю честь на два вопроса вашего сіятельства, сейчасъ полученные, отвѣтствовать нижеслѣдующимъ:

1) Управляемый мною почтамтъ всякія требованія исполняетъ по приказанію моему. Я находился въ почтамтѣ, когда г. полиціймейстеръ Дурасовъ сюда явился и не хотѣлъ ко мнѣ войти, что для экзекутора почтамта, надворнаго совѣтника и кавалера Дружинина, дѣлавшаго такое приглашеніе, показалось совсѣмъ необыкновеннымъ и онъ г. полиціймейстеру о томъ только напоминалъ, на что сей не соглашался; однако никакихъ препятствій войти въ газетную экспедицію никому не бывало.

2) Я не зналъ основательно дѣла купца Верещагина, вторично съ полиціймейстеромъ отъ вашего сіятельства ко мнѣ присланнаго, а какъ оклеветанъ былъ тутъ сынъ мой Императорскаго московскаго университета студентъ, будто онъ знакомъ съ преступникомъ и давалъ ему Гамбургскія газеты отъ публики удержанныя, то по двумъ симъ обстоятельствамъ не могъ я не

принять важнаго для меня участвованія и спокойно при г. полиціймейстерѣ опровергалъ и то и другое, основываясь на томъ, что сынъ мой далекъ по воспитанію и нравамъ, въ чемъ засвидѣтельствуетъ университетъ, отъ подобныхъ знакомствъ. Также и потому, что ни въ выданныхъ, ни въ прочихъ газетахъ ничего даже подобнаго не было. Осмѣливаюсь включить, что ежели бы вашему сіятельству угодно было спросить меня, то я бы официально сіе подтвердилъ.

Преступникъ самъ испросилъ дозволеніе у г. полиціймейстера говорить со мною и въ двѣ минуты признался, что онъ оклеветалъ моего сына и другихъ. Тогда же призвалъ я г. полиціймейстера, при коемъ Верещагинъ тоже повторилъ и признался, что самъ сочинилъ гнусную прокламацію; наконецъ, написалъ примѣръ въ доказательство и отдалъ бывшій у него въ шляпѣ за подкладкою брульонъ. О ходатайствѣ просилъ онъ меня весьма нелѣпо, ибо могъ-ли я ему покровительствовать! Говорилъ же я съ нимъ убѣдительно при полиціймейстерѣ, склоняя его къ признанію во всемъ предъ вашимъ сіятельствомъ.

Впрочемъ не могу умолчать, что препровожденные ко мнѣ отъ вашего сіятельства пункты изъясняютъ нѣкое противу меня неудовольствіе, каковому, кромѣ оклеветаній, я не знаю другой причины.

№ 23. Записка городского общества графу Ростопчину.

1-го іюля 1812 г. Москва.

Канцелярію его сіятельства г. генераль-отъ-инфантеріи московскаго военнаго губернатора и кавалера графа Федора Васильевича Ростопчина, домъ Московскаго градскаго общества имѣетъ честь симъ увѣдомить, что въ московскомъ купечествѣ Николай Гавриловъ сынъ Верещагинъ съ дѣтьми Михайлою и Павломъ состоятъ; поступили въ оное въ прошломъ 1800 году Ярославской губерніи Пошехонскаго округа, экономическаго вѣдомства деревни Верещагиной изъ крестьянъ, кромѣ Павла, который родился уже послѣ приписки въ купечество. На с...

годъ отъ Николая Верещагина, съ показанными дѣтьми его, капиталъ объявленъ по 2-й гильдіи.